

С пистолетом на борту

Слыхано ли дело, чтобы Главный и великий Королев поручал одному космонавту застрелить другого? Оказалось, слыхано и даже имеет под собой почву...

Как и всякая экстремальная деятельность, космонавтика обрастает мифами и легендами, приметами и суевериями. А как суперэкстремальная и засекреченная — вдвойне и втройне. Начало было положено уже слухами о предшественниках Гагарина — неизвестном погибшем пилоте и известном летчике-испытателе Владимире Ильюшине. Гибель самого космонавта номер один в свою очередь обросла развесистой клюквенной гроздью: от заговора против неугодного героя в недрах ЦК КПСС до вмеша-

тельства инопланетян или пребывания его до сих пор в психлечебнице со сдвинутым сознанием...

Но с другой стороны, источником многих информационных трансформаций могли служить и реальные, тщательно упрятанные факты, пустившие «дымок». Отчисление из отряда кандидата на первый полет Григория Нелюбова и его последующая случайная смерть под колесами поезда... Гибель в барокамере от кислородного пожара другого кандидата — Валентина Бондаренко... Георгий

Гречко любил разыгрывать прибывших к нему на станцию товарищей показом «НЛО» — ими служили пылинки из наружной обшивки после встряски комплекса, искрившие в солнечном свете и казавшиеся загадочными летающими объектами... Памятна эвакуация с одного из первых военных «Салютов» экипажа Волынов — Жолобов, когда второму пилоту почудились ядовитые запахи...

Всего не перечислить, но один такой резонанс был действительно поучителен и связан с глубочайшей космической тайной. Только недавно вокруг него разыгрались страсти и позволили заглянуть в опаснейшую сущность профессии.

Знаете ли вы, что в мировом астрокосмическом сообществе принято единицу напряжения при выходе в открытый космос называть «один леон»? Почему — понятно. 18 марта 1965 года эту еще немыслимую операцию на орбите впервые проделал друг Гагарина по первому отряду Алексей Леонов. 12-минутное парение возле «Восхода-2», первое отважное действие, которое было потом категорически запрещено «выходникам» — выпустить корабельные поручни и пятикратно отплыть от корабля на пятиметровом фале... Когда потом дошло до многочасовых наружных работ, научных, монтажных, ремонтных, в каждом таком выходе оставалась частица леоновского.

В наших многократных разговорах с Алексеем Архиповичем — в Звездном при тренировках, на байконурских стартах, в ЦУПе в полетные будни, наконец, даже в офисе альфа-банковский структуры, где он сменил генеральский мундир на синий вице-директорский блейзер, — речь часто шла о превратностях того блистательного полета. Блистательным он-то был, но, как обычно, в подаче официальной пропаганды и абсолютно гладким, без сучка, без шероховатостей. Даже посадка в заснеженном таежном Предуралье прошла как бы сама собой, так и задумывали... Будто там, в сугробах и чашобах, их и планировали подобрать.

Официальная фотография перед стартом

И только с годами, сначала в кулуарных задушевностях, потом и в печати постепенно открылась череда сильнейших стрессов, пережитых «Алмазами». Буквально с того, что уже на приемке корабля перед стартом на Байконуре Королев с Келдышем (президентом Академии наук и главным теоретиком космонавтики) отозвали их с Павлом Беляевым для очень тревожного разговора. «Ребята, говорят, корабль-разведчик, то есть аналог нашего, беспилотный, с проверкой шлюзовой камеры, на землю не вернулся. Перепутал команды, понял как команду на подрыв и сам себя разнес к черту... Вас то не взорвет, в пилотируемом такой системы нет, но нет и результата с этого разведчика — ни о камере, ни о корабле, ни об окружающей среде... И вот вопрос: может, вместо вас еще одного беспилотного разведчика послать, сделать контрольный полет? Ваш тогда отодвинется на год примерно, как смотрите?»

Они смотрели плохо. Такое не ободряет. Но сейчас готовы к полету и по технике, и по медицине, и по настрою. А что там через год? Взяти на себя: полетим. Королев не возражал. У него свой резон. В это время готовят свой выход американцы на «Джемини». Их планы скромнее: всего лишь разгерметизировать кабину и представить это выходом в космос. Но амбиции острее. Год назад (1964) газета Saturday Evening Post писала: «Когда первый человек выйдет из корабля в космос, мы станем свидетелями самого волнующего события... И если этим человеком не будет аме-

В открытом
космосе

риканец, это огорчит нас всех. Однако если нам внушат, что он должен быть американцем, и он вместо этого окажется русским, то просто страшно подумать, как все мы будем деморализованы».

Наши таких заявлений не делали хотя бы из секретности планов насущных, так что никто из широкой публики и не знал, какая идет напряженка. Но «под ковром» просто задыхались от этой гонки. Опять опередить, и тоже «страшно подумать». Все это знали, в том числе два «Алмаза». И особенно Королев, зондировавший их порыв. А сколько молодой веснушчатый Леонов наползался на Земле в таком скафандре по этим примкнутым к кораблю «сеням» — длинному тамбуру, кажется, и того бы хватило. Один только ранец на спине — сорок кило. Сжать кисть в поддутой перчатке равносильно ручному эспандеру с силой 25 килограммов... Сколько налетался с ним в «горках», влезая и вылезая... И все зря?

Решились. И началось. Очень быстро — уже в конце первого витка, над Камчаткой. Сначала в тамбур шлюзовой камеры, затем наружу. «Первое

впечатление — Солнце. Сразу нарушил инструкцию и оставил приоткрытым светофильтр. В лицо будто ударила нестерпимая дуга электросварки. Диск ровный, без лучей и ореола, но раскаленный до невозможности... А вокруг черное небо со звездами. Солнечная ночь!» Короткий восторг художника от проплывающих под тобой желто-зеленой Африки и всего целиком Черного моря... Легкая жуть от полной взвездной тишины... «Такой, что слышишь биение своего сердца и шум дыхания. Величественные такие волны: жух, жух... Кажется, дышит сама Вселенная...» (Потом в фильме по Артуру Кларку эти записанные с Леонова звуки сопровождали полет звездного корабля. Затем же ему прочитали некое библейское предсказание: «Раб божий Алексей отлетит от Земли на пуповине...»)

Но это потом, а пока — стрессовое возвращение «раба божьего» в материнское лоно. Разница наружного почти вакуумного и внутрискафандрового в одну атмосферу давления сыграла нештатную шутку. Деформация раздутого скафандра — это когда всплываешь у него внутри. Руки вы-

скачии из перчаток, ноги из «ступней». «Жаль, сфотографировать корабль не удалось. Меня он снимал, а я его — нет. Фотокамера висела на груди, а манипулятор — на правом боку, у бедра... На Земле, в барокамере, в самолетных «горках» доставал его спокойно. А тут тянусь-тянусь — нет. Как-то двух миллиметров не хватает, не могу нажать спуск. Поддутость мешает, плаваю внутри скафандра, как мячик...»

Это еще полбеды. А вот когда не влезаешь обратно в шлюзовую камеру — уже «атас». Ногами вперед, по инструкции — люк не пускает. Вроде тот же, в который столько раз протискивался и из которого только что выплывал — а назад пути нет. Мысли? Догадитесь сами. Вот какой бывает дурацкий конец, вот и все. Но только сначала. Тут же начинается кувыркание и пробивание в люк против всяких инструкций, не ногами, так головой. Уцепиться за внутренний поручень, втянуться на руках, втиснуть самую широкую и раздутую часть «тела» — плечи. Извиваясь, работая локтями и коленями, втянуться полностью, все это с хрипом, потом, стуком в висках и шумом в ушах... Внутри скафандра все скользит, заливаает глаза... Наконец весь влезился. Но еще надо перевернуться снова ногами вперед, чтобы влезать уже в кабину «к Паше»... Притом тащить за собой телекамеру, которую жалко бросать, хотя Солнце сожгло объектив... Существенно помогала прямая русская речь, которую в это время записывали чуткие итальянцы. Позже они спросили, как перевести с русского то, что он сказал, влезая в кабину. «Я им ответил, что сказал «привет, командир». Они не верят: нет, что-то не то. Ну, тогда изучайте русский народный язык...»

Как раз над Енисеем въехал ногами в законное свое кресло. Пота потом оказалось в его скафандре до колен, за сутки полета потерял шесть килограммов веса. Казалось бы, задача решена. Но это может казаться только нам, не знающим всю цену приземления. Тут и начался тот каскад аварий,

которых опасался Королев, когда сказал им: «Вы можете знать три тысячи аварийных ситуаций и их ликвидацию. Но в реальном полете произойдет 3001-я, а справитесь вы с ней, если будете знать те три тысячи...» Для одних полетных суток вполне хватило семи, каждая из которых могла стать погибельной.

На командный пункт льется кипяток стрессов. Резкое падение давления в баллонах наддува кабины корабля — с 75 до 25 атмосфер. Признак возможной разгерметизации и угрозы до посадки остаться «без воздуха». Затем вдруг подскакивает парциальное давление кислорода — «глубокое закислороживание атмосферы». 460... При 436 в барокамере от случайной искры мгновенно сгорел Валентин Бондаренко... Взрыв в корабле может случиться от такой же искры коллектора любого электродвигателя, их в корабле несколько... «Мы своими легкими не перерабатывали этот кислород, сбиваем температурой, влажностью, только бы дотянуть до атмосферного клапана»... А до него было еще семь часов. И каких!

Все это на фоне страшной угрозы застрять вне Земли навсегда. В заданный момент не включился тормозной двигатель. По отсутствию характерного рокота и вибрации они поняли: не сработала автоматика спуска. Земля — «Заря» подытожила попытку голосом Юрия Гагарина: «Пока продолжайте полет... Остальное — чуть позже». Как обычно, ЦУП взял виток на размышление. И команда — включать ТД самим вручную. При отказе системы ориентации... Запросо можно отлететь не туда, и что тогда? «Время существования корабля — три года. Время существования экипажа — три дня...» Опять вопреки всем инструкциям перемещаются из кресел, «Паша ложится поперек них наблюдать ориентацию в иллюминатор, включает двигатель, и начинаем сомневаться: так ли?» Двигатель отработал, и нервы чуть не лопнули, пока дождались запоздалого отстрела орбитального отсека и первых оседающих пылинок. Пошел баллистический спуск — десять «ж»...

Вместо солнечного Казахстана грохнулись в ночную замороженную тайгу. Неотключенный глобус показывает где-то между Обью и Енисеем. На самом деле чуть ближе — Пермский край. Но это не легко: леденеющий корабль, снег по плечи, ночь на тридцатиградусном морозе. Вылили из скафандров по ведру пота, утеплились поверх курток кусками корабельного чехла... На костре взорвалась последняя туба кофе — отлетела метров на пятьдесят. Ночь прожить — не поле перейти. Но все же это Земля, с радиостанцией, связью, поисковыми группами.

Утром подоспели вертолеты — их подарки с едой и одеждой повисли на деревьях. Особенно красиво висели утепленные штаны. И уж потом — медленное приближение поисковой группы на лыжах, с топорами и пилами... Страна была спокойна. Никто для нее эти сутки не искал космонавтов в тайге, для нее приземлившиеся герои благополучно отдыхали на обкомовской даче и ни в чем не нуждались.

От этой ночи в безлюдной морозной тайге и идет версия об удивительном поручении Королева командиру корабля Павлу Беляеву. Пикнуть о ней в советское цензурное время было, конечно, невозможно. Первым ее озвучил в печати мой добрый знакомый из «Красного знамени» полковник Михаил Ребров. Его очерк назывался: «Выстрел, который не прозвучал». Передается разговор с сокровенным признанием Беляева своему другу Алексею об этом напутствии. «Когда Королев говорил, понимаю ли я, чем может обернуться эксперимент по выходу? Говорил, что психологически все очень непросто. Эйфория, потеря контроля над собой, необдуманные подсознательные действия... Если случится вдруг такое — все насмарку. И эксперимент, и корабль, и экипаж... Под конец он спросил: «Ты знаешь, что надо делать, если он — то есть ты — не сможет вернуться?» — Я сказал: «Знаю»...

Дальше идет гамма переживаний Леонова о том, как сложно он пережил свою роль «заложника неудачи»,

как мелькали в голове оскорбленные мысли: «Сговор! Обман! Ради чего?» Было, конечно, от чего прийти в смятение вплоть до «безвыходного отчаяния». Развязка, впрочем, вполне голливудская.

«— Значит, стрелял бы в меня? — прервал молчание Алексей.

— Как я мог в тебя стрелять? — ответил вопросом Павел. — Ты что, спятил?»

Спросивши об этом у самого Алексея Архиповича, я услышал более сглаженный вариант, полный сочувствия к безвременному умершему командиру. Как он отмерял для себя и для товарища «ту черту малодушия в трагической ситуации, которую нельзя перейти». И заканчивает: «А сам смотрю на тебя, спящего в корабле перед последней попыткой, вспоминаю этот разговор. И у самого на глазах слезы. Как же я буду это делать — и с тобой, и с самим собой?»

Значит, все же предполагался оборот дела, при котором один космонавт выстрелил бы в другого? Это уже само по себе сенсационно для героической советской космонавтики, ее профессиональной и психологической аналитики. Были потом рассуждения, что никем, в сущности, не исследовалось, как поведут себя в неведомости пистолет, порох и пуля, привычные к земной гравитации, не выяснялось, возможно ли это теоретически, и не проверялось на практике. Может, стрельнувший там пистолет,

Космонавты П. Беляев (слева в ушанке) и А. Леонов (справа) и члены экспедиции спасения

упакованный в земной укладке, разнесет самого стреляющего... Поэтому реально ли было, что Главной конструктор поставил такую необоснованную задачу даже на крайний случай — стрельбу в космосе? Спорили много, но безответно.

Но вот проходят еще годы, и открывается реальная подоплека такой экзотической, прямо скажем, легенды.

В 1995 году «Литературная газета» (№ 15) напечатала письмо многолетнего главного психолога медицинского центра Звездного городка, а затем и его руководителя, полковника Ростислава Богдашевского. Это было какое-то «разоблачение», а суровый разговор о степенях риска космической работы, которые до сих пор еще не осмыслены широкой публикой, о принятии порой невыносимо трудных решений. Будучи молодым врачом и оказавшись после исследований запертым в служебном помещении, он услышал предполетный разговор Королева с Беляевым. СП требовал от командира подписать документ, без которого к старту его не допустит. А документ — обязательство, что при невозможности вернуть «выходника» Леонова обратно в корабль по причинам психического или технического характера, командир «отстрелит» шлюзовую камеру с «Алмазом-2» и вернется на Землю. Сопротивление Беляева было отчаянным, чуть не до слез, но это условие, «чисто техническое», было у Королева беспрекословным. Подпись была поставлена, «Восход-2» стартовал и вернулся...

Разумеется, для Беляева это мог быть самый мучительный эпизод всей его космической жизни. Разумеется, он мог говорить себе: «Если погибнем, то вместе». Но техническое условие с подписью вынужден был выполнить. Вполне можно предположить, что из этого морально тяжелейшего, но реального технического условия «отстрелить» при испорченном телефоне выросли ноги экзотического «застрелить».

Моему доброму знакомому Ростиславу Борисовичу здорово досталось

от праведников космической стерильности. Да что там, сам Алексей Архипович, мой добрый друг, обличил его в недобросовестных фантазиях. Но это еще что. Один пишущий полковник запаса, тоже из Звездного городка, член президиума Федерации космонавтики РФ и прочая, и прочая, разразился в другой газете («Литературная Россия») таким залпом, что хоть прокурора с конвоем вызывай. Мы (писавший и напечатавшие) удостоились таких категорий, как «мерзавцы и подлецы», «смерд заказного убийства», «смердные измышления», «горю-участники космических исследований», «удар ножом в спину», «попытка оклеветать», «принципы Геббельса», «обливание грязью», «желание обгадить», «сколько цинизма и безнравственности», «бессовестность горе-врачей» и так далее, до давно знакомых «врачей-палачей»...

Досталось и журналисту полковнику Реброву со ссылкой на самого Леонова, который не способен «подло, предательски обогать своих мертвых товарищей, не могущих опровергнуть эту клевету». Однако, как неоднократно услышано, Алексей Архипович вполне подтвердил версию «застрелить», которую и сам пережил, как моральную травму.

Но его убеждение твердое. Кто бы что ни подписывал и ни обещал, победил бы неписанный кодекс чести. «Я уверен, что командир либо спас бы меня любой ценой, либо погиб бы вместе со мной. Другого решения у него быть не могло».

Вот такая человеческая и профессиональная драма пряталась тогда за нашей победой на том отрезке космического марафона. Кроме всех наград и регалий, главный приз за нее, как известно, — название межзвездного корабля в фантастической классике Артура Кларка «Космическая одиссея». Улетая к звездам, он нес имя «Алексей Леонов». Узнав об этом, носитель его тихо сказал лучшее, что только можно было сказать о своем будущем полете: «Я постараюсь быть хорошим кораблем».